

**ЖУРНАЛИСТИКА РУССКИХ
«ВОЛЬНЫХ КАМЕНЩИКОВ» 1770–1780-х гг.:
СТАНОВЛЕНИЕ НЕЗАВИСИМОЙ ПРЕССЫ**

Рассматривается проблема формирования целостного единства общественной парадигмы Екатерининской эпохи на основе заимствованных философских, политических идей и отечественного религиозного опыта. Констатируется, что духовные запросы образованного дворянства нашли свое выражение в масонских «системах» и этических учениях. Анализируются наиболее заметные явления журналистики этих десятилетий, насыщенных историческими событиями (война с Турцией, Пугачевский бунт, борьба различных политических сил за влияние в правительстве). Делается вывод о том, что становление русской независимой прессы осуществлялось именно в изданиях масонского толка, преимущественно – в московских журналах.

Ключевые слова: идеи просветительства, идеология дворянства, власть и общество, независимая пресса, масонские журналы.

Приобщавшаяся к «плодам просвещения» Россия во второй половине XVIII столетия вновь находилась на распутье исторического развития; необходимость назревших социальных и политических реформ структурного характера была очевидной, но верховная власть и правящие круги упорно этому противились вопреки обстоятельствам. В царствование Екатерины Великой абсолютизм избрал себе образ «просвещенной монархии», пресса была жестко вписана в вертикаль власти. Едва зародившуюся журналистику попытались использовать в пропагандистской борьбе родного, проверенного «старого» с сомнительным иноземным «новым», поставить только-только образовавшегося свободного журналиста на службу режиму. Авторитет печатного слова делал журналистику профессией общественно значимой, но и опасной (успех и слава могли обернуться заключением в крепость и ссылкой в Сибирь, лавровый венок заменялся венцом терновым). Просветительские проекты построения нового справедливого порядка были беспочвенными, «приправленная насмешкой» критика существующего режима сделалась главной задачей журналистики. Сатира, нравоучения, публицистические фельетоны становились удобным инструментарием идеологической борьбы. Французская революция предельно обострила коренной вопрос бытия и сознания: стало очевидным, что «ничто не может остановить сего ужасного предвозвестника истины» [1, с. 26]. Русский ум, о чем уже столько написано и сказано, вечно колеблется между верой и рассудком. Масонство, доселе «игрушка праздных умов», привлекло к себе молодые, свежие силы русского общества: ищущим правды открывались пути достижения достойной цели – «истребления зла в мире и обществе». Через «труды просвещения», воспитание «внутреннего человека», работу над «диким камнем» масоны надеялись осуществить исправление всего человеческого рода.

Огромное влияние просветительской философии на русское общество было, отмечал В.О. Ключевский, двойственным: на русской почве проявились обе ее стороны – «лицевая» и «оборотная». Направление русских умов становилось уже не усвоением европейской цивилизации, а «болезненным расстройством национального смысла» [2, с. 59]. Многие тогдашние вольнодумцы (подвизавшиеся в области литературы, истории, фило-

софии и театра), приобщаясь к новейшим учениям рационализма, необдуманно порывали с духовными традициями родной культуры. Рассудочным доктринерством деизма подменили христианский «свет разума», дошли до крайностей вызывающего атеизма. Православие объявили суеверием, смирение в народном характере – малодушием, язык и фольклорные сокровища – народным невежеством. Искалеченные европеизацией русские верхи с петровских времен оказались страшно далеки от народа. Русский театр, покровительствуемый просвещенными властителями – Елизаветой Петровной и Екатериной Великой, становится очагом пропаганды радикальных французских идей; бескомпромиссно подвергается сомнению сама вера в Бога, дерзко оспариваются принципы монархической власти, безжалостно высмеиваются вековые устои, старые обычаи и образы жизни. Открывая «истину о мире», разум должен «отрешиться от своей ограниченности в пределах рассудка» (П. Флоренский). Русской мысли свойственны такие приемы мышления, какие погубили бы всякую другую национальную философию: теоретическое отчаяние, доведенное до максимума, преобразуется в доведенную до максимума же уверенность. Между верой и разумом, философией и богословием, полагал теоретик русского масонства И.Г. Шварц, «противоборства не должно быть»; разум познает порядок в мире, вера требует лишь «отречения от излишеств». Страстное желание «иного» настолько сильно в русском сознании, что оно из самого себя рождает ответ и обоснование. Метафизический разрыв между «должным» и «сущим» русский ум не страшит, поскольку может быть преодолен волевым решением (по-европейски, «бунтом разума», либо же русским бунтом, «бессмысленным и беспощадным»).

Такой ход мысли был хорошо знаком русским «вольным каменщикам»; под бременем нравственного подвига во благо человека и ради спасения мира масоны иногда склонялись к отречению от мира и уединению от человеческого общества. Общество несовершенно, но устроено «от начала времен», источник зла не в порочной системе общественных отношений, но в испорченности «натуры» человека. «Истинное счастье» зависит от нас самих, надо направить человека к добру, развивать разум наукой и просвещением, развивать духовные силы. Однако «духовные сластолюбцы», стремящиеся к наукам «не по любви к истине, но для удовлетворения самолюбия своему», осуждаются [3, с. 156]. Этика долга обосновывала достоинство внутренне свободного человека, сумевшего возвыситься над переходящей повседневностью; такая свобода достигается длительным самовоспитанием и самосовершенствованием, перестройкой

своего внутреннего мира в соответствии с идеалами масонского «братства». Общественное благо означает одинаковое участие к «последнему пастуху» и «первому вельможе». Какие-либо преобразования социально-политического характера не могут иметь решающего значения в силу того, что освобождение от внешних тягот вовсе не дает желанной внутренней свободы; истинно же свободный человек ощущает себя таковым «будучи закован в цепи». Подлинная свобода («от страстей, а не от начальства») предполагает возвышение над внешними обстоятельствами. Надо любить ближнего, помогать ему, защищать его, просвещать и спасать падшего человека; необходима внутренняя живая вера, «следование Христу». Таково масонское «предписание». Учение «вольных каменщиков» основывалось на христианской заповеди любви к *ближнему своему*, призыве к *трудам праведным* и очищению от грехов покаянием, а также на просветительском тезисе о «естественной природе» человека. Сочетание рассудочности с набожностью, веры со знанием – типичные свойства русского ума.

Единственным журналом «для всех» еще в царствование Елизаветы Петровны были «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» (1756–1760); в немногих статьях по философии рассматривались вопросы социальных отношений (человек и общество, общее благополучие и любовь к согражданам) и религиозные вопросы (святость и грех, закон церковный и закон естественный). Так русское общество подготавливалось к восприятию идей «освободительной философии». В 1770-е гг. появляются один за другим новые журналы, издаваемые «вольными каменщиками», особенную активность в деле просвещения проявляют московские «братья» [4, с. 53].

Избрав себе примером журнал «Всякая всячина» самой императрицы, имевший неоднократно беседы с Екатериной по этому поводу, на поприще журналистики вступает Н.И. Новиков, желавший «послужить своему Отечеству». Поначалу, как мы знаем, издавались сатирические журналы («Трутень», «Живописец», «Кошелек»), целью которых было «врачевание пороков» общества. Отсутствие бытовой культуры, злополучная галломания, казнокрадство, ложь и обман, поправная справедливость – все это находило должную оценку на страницах этих журналов. Новикова одолевали «проклятые» вопросы – философские и религиозные; окруженный вольтерьянцами, хотевшими «жить и наслаждаться», он почти в одиночку отстаивал общественные интересы, верно определял задачи, добивался успеха, не забывал о коммерческой стороне предприятия. Несмотря на некоторое совпадение позиций (определенные надежды на преобразование государства, участие в Комиссии депутатов

по составлению наказа), журналист и императрица разошлись во взглядах; Екатерина была недовольна направлением «Живописца» [5, с. 244], Новиков был вынужден прекратить издание.

Российская власть снова покусилась на свободу прессы. Журналист становился изгоем, у него отняли возможность проявить себя в общественных делах; стремясь найти удовлетворение запросам ума и сердца и отыскать «иные пути», он закономерно приходит к масонству. В 1775 г. его приняли в столичную ложу «Астрея»; «елагинская система» призывала братьев к работе над своей собственной личностью и над созданием «храма истины». Новикова «пустые стены» (так он выразил свои сомнения) разочаровали, вдвоем с И. Рейхелем в 1776 г. в Москве они основывают новую ложу, задачей которой было нравственное совершенствование. «Величие человеческой личности» объявлялось главным вопросом обсуждений в предведомлении об издании журнала «Утренний Свет» (1777); он стремился найти правду в человеческих отношениях, освободить религиозное чувство от ложных заблуждений, пролить свет на природу человеческой личности, сущность мироздания. «Истинное масонство в том просвещении, к которому можно прийти, идя по стезям христианского нравоучения» [6, с. 183]. «Согласию с разумом» авторы журнала противопоставили начатки мирозерцания, усвоенного из переводов Платона, Сократа, Сенеки и других философов древности: разум управляет человеческими делами, но дух человека «стеснен телом»; творчество возвышает человека над обыденностью, но искусством не заменить «другой» жизни; предаваясь радостям земного бытия, не следует забывать о «тщете земной жизни» Попытка примирить «душу» и «тело» не удалась, хотя журнал оказался востребованным читателями (уже после закрытия популярные номера вышли вторым изданием). Распространение наук в России станет задачей другого, одновременно предпринятого им издания, «Санкт-Петербургские ученые ведомости»; вокруг журнала быстро сложился кружок единомышленников. Доходы от изданий пошли на устройство двух школ в Петербурге, при Московском университете была учреждена педагогическая семинария.

Программными вопросами журнала «Московское издание» (1781) объявлялись «вера» и «разум» («рассудок должен устремлять все свои силы на знание нравственной мудрости» [7, с. 89]); редактором фактически стал И. Шварц. Издатели признавали, что не должно быть никакого противоречия между философией и богословием, верили в значение и силу науки; критикуются «философические» заблуждения («безумно налагать оковы на природу»), человеческому духу открыты пути к истине мироздания, за-

коны «к спасению рода человеческого» получены свыше. Издававшиеся Новиковым книги давали «пищу для души и ума», просвещали русское общество; книжные лавки появились в Москве и в провинции. Разносторонними были интересы журналиста: помимо масонских «духовных» изданий он выпускал «Экономический журнал». Заслуживает внимания журнал «Вечерняя Заря» (1782), пропагандировавший развитие высших, духовных сил человека, возможность мистического соединения с Богом, воспитание людей с детства «согласно с учением Христа», развитие разума наукой и просвещением.

Французская революция, разрушившая до основания привычный «старый порядок» и означавшая распад органического общества, хаос и террор, беспорядок и беззаконие, русских масонов ужаснула. Политическая легитимация интересов «индивидуального разума» заглушила всякую общественную добродетель, нравы развратились, многократно усилились «заблуждения разума» (Р. де Шатобриан). Мрачные картины рисовали русские путешественники, невольные очевидцы революционных событий. Многие из русских масонов увидели прямую связь между вольномыслием и политическим переворотом (об этом писал И.В. Лопухин). «Несчастливая» Франция принесена в жертву «ложной философии». Обострился интерес к православию и национальной культуре. Влияние Запада на Россию губительно; именно из нашего Отечества «прольется свет истинного просвещения» (тезис, основополагающий для славянофилов). В общественных вопросах русские «вольные каменщики» придерживались господствующей идейности и «обрядности христианской, православной». «Критическое направление» просветительства исчерпало себя, благомыслящие люди, стоявшие у государственных дел, воспользовались всем, что могла дать эта философия политике, праву и общественным отношениям. Изменилось и направление российской журналистики, увлечение «энциклопедизмом» прошло, зато обострился интерес к национальным истокам, «преданьям старины глубокой», жизни народной.

Преображение России было грандиозной задачей следующего этапа общественного развития России; в царствование Александра I предстояло защитить саму свободу и национальную независимость, победив в кровопролитной войне сильного врага, Наполеона, наследника французской буржуазной революции, стремившегося установить чуждый россиянам миропорядок (весь европейский мир «ополчился против нас», вспоминал герой Отечественной войны 1812 года Д. Давыдов). Декабристы, превратившие масонские ложи в тайные общества, проповедовали радикальные взгляды (равнодушие

к вере, самопожертвование в борьбе за осуществление политических идеалов, даже цареубийство). Такое развитие декларируемых масонских идей находилось в резком противоречии с социальной позицией старшего поколения, с основами масонской идеологии. Их «партийные» издания и публицистика несли на себе сильнейший отпечаток индивидуализма; распространялись они в узком кругу. Хрестоматийная негативная оценка «охранительной» журналистики несправедлива (среди ее представители были умелые и дальновидные организаторы журнального дела, например, О. Сенковский и Ф. Булгарин). Отечественные журналы, до сих пор распространявшие суждения немногих самобытных передовых умов, в одиночку пытавшихся приобщить читателей к прогрессу, должны были, нако-

нец, сделаться выражением широкого общественного мнения, следовать «живому современному движению» русской жизни (А.С. Пушкин).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Крылов И. А. Сочинения. М., 1956. Т. 1.
- [2] Ключевский В. О. Литературные портреты. М., 1991.
- [3] Масонские труды И.В. Лопухина. М., 1913.
- [4] Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917.
- [5] Русская журналистика в документах: История надзора. М., 2003.
- [6] Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1991. Т. 1.
- [7] Новиков Н. И. Избранные сочинения. М.; Л., 1951.